

Судебный процесс

по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины

Утреннее заседание 19 июня

На утреннем заседании суда продолжался допрос свидетелей, рассказывавших о конкретных фактах диверсионной и террористической деятельности отрядов «Армии Крайовой»; действовавшей по прямым заданиям эмигрантского польского «правительства» в Лондоне, и главного командования «Армии Крайовой» в Варшаве. Агенты эмигрантского польского «правительства» и подпольного польского «правительства» в тылу Красной Армии выпускали провокационные листовки, в которых натравливали жителей на Красную Армию и советских работников. Свидетель Станислав ДЗЯЛЫНСКИЙ (он же — Дзярмага) — командант второго района «АК» города Вильно, одновременно руководивший отделом пропаганды и информации при делегате Жонду Виленского округа, показывает:

— В нашей работе мы сначала руководствовались заданиями делегата Жонду, а в последний период — указаниями, получаемыми непосредственно от польского подпольного «правительства» из Варшавы. Нам рекомендовалось внешне создавать видимость хороших и дружеских отношений к советским войскам, а в действительности организовывать враждебные выступления. Такие указания исходили также от «Рады единости народов».

После Дзялынского суд допросил участников диверсии и террористических актов — ЛОТАРЕВИЧА, КОЛЕНДО, УРБАНОВИЧА и НЕВЕРОВСКОГО, вызванных по настоящему делу в качестве свидетелей. Участники «Армии Крайовой», они по приказу командования «АК» с оружием в руках действовали на тыловых коммуникациях Красной Армии, в то время героически боровшейся с немцами.

Лотаревич, прежде чем приступить к террористической деятельности в тылу Красной Армии, обучался в специальной учебной команде «АК». Лотаревич показывает, что его отрядом была обстреляна советская военная автомашина, перевозившая оружие. Шофер был убит, а груз забрали отрядом «АК». В другом случае, из засады были убиты четыре советских работника и один тяжело ранен.

Свидетель Колендо показывает, что в мае 1944 года «АК» направила его в школу, готовившую диверсантов в тылу Красной Армии. В течение 20 дней их обучали методам минирования и взрывания железнодорожного полотна, шоссе, мостов.

ПРОКУРОР: Какие цели ставились перед вами?

КОЛЕНДО: В нашу программу входила организация взрывов и крушений поездов в тылу Красной Армии. Я участвовал в одном из таких актов. Это было с 17 на 18 сентября 1944 года. Дата была установлена в специальном приказе.

На вопрос прокурора: почему именно в этот день, Колендо отвечает, что это была как бы демонстрация протеста против вступления в этот день в 1939 году Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины.

По ходатайству прокурора суд оглашает имеющийся в деле секретный приказ по польскому подполью об организации в день 17 сентября взрывов воинских эшелонов, автомашин, диверсий на железных дорогах, поджогов складов в тылу Красной Армии.

ПРОКУРОР: Это вредило Красной Армии, воевавшей с немцами?

КОЛЕНДО: Да. Это вредило делу Красной Армии и делу Объединенных наций.

Свидетель Урбанович, допрашиваемый после Колендо, находился в одном из отрядов «Рагнера», который совершил многочисленные террористические и диверсионные акты против Красной Армии, грабил местное население, производил поджоги и т. п.

ПРОКУРОР: Что делал ваш отряд во время немецкой оккупации?

УРБАНОВИЧ: Мы воевали с советскими партизанами. Однажды наш отряд сражался с партизанами, которые в то же время отражали нападение немецких войск. Был случай, когда жандармы отряда «Рагнера» арестовали 12 или 15 человек, заподозренных в связях с советскими партизанами. На следующий день после ареста все они были расстреляны.

Когда немцы были отброшены Красной Армией, отряд «Рагнера» повел подрывную работу в тылу советских войск. Это сопровождалось ограблением мирного населения.

— 27 ноября 1944 года, — говорит Урбанович, — находясь в одной из деревень, мы узнали, что там почует лейтенант Красной Армии. Его взяли во время сна, доставили в штаб и там расстреляли.

— В начале ноября 1944 года, — показывает далее Урбанович, — в штаб «Рагнера» был доставлен неизвестный мне советский гражданин. Я лично видел, как он был расстрелян взводным по кличке «Джевица» возле штаба. Мне еще известно о повешении нашим отрядом советского мирного жителя. В ноябре 1944 года дружина «АК» под командованием «Бровка», возглавляемая взводным «Джевицей», сделала вылазку за продуктами в одну из деревень, где был схвачен один из мирных советских жителей. Он был повешен. Я с двумя стрелками «АК» стоял в дозоре и охранял место казни.

Суд переходит к допросу свидетеля НЕВЕРОВСКОГО.

Отрядом «АК», в котором он состоял, командовал Витольд Гладких.

ПРОКУРОР: Вы убили советского партизана Костюшина?

НЕВЕРОВСКИЙ: Да. Он был захвачен в деревне. Я двумя выстрелами в голову его расстрелял. Труп Костюшина зарыли тут же.

В другом случае отряд, в котором находился Неверовский, в сентябре 1944 года расстрелял жителя деревни Котлова — Урбановича.

ПРОКУРОР: Это тоже был советский партизан?

НЕВЕРОВСКИЙ: Да.

ПРОКУРОР: Кому подчинялся ваш отряд?

НЕВЕРОВСКИЙ: Главному командованию «Армии Крайовой» и польскому эмигрантскому «правительству» в Лондоне.

На этом допрос свидетелей заканчивается.

Суд переходит к допросу подсудимого Л. Б. ОКУЛИЦКОГО. Подсудимый подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии, о подрывной деятельности в тылу Красной Армии, создании нелегальной военно-политической организации «НЕ» для вооруженной борьбы против Красной Армии, а также о том, что он, Окулицкий, вместе с подпольным «советом министров» вел враждебную СССР пропаганду.

Председательствующий зачитывает выдержку из показаний Окулицкого: «...Также не отрицаю того, что подрывная работа в тылу Действующей Красной Армии была направлена в ущерб борьбе Объединенных наций против гитлеровской Германии». Председательствующий спрашивает: — Правильно?

ОКУЛИЦКИЙ: Да, правильно.

Далее Окулицкий показывает о том, при каких обстоятельствах и с какой целью он прибыл в Польшу. Он сообщил суду, что 25 мая 1944 года он был сброшен с парашютом с английского самолета «Либейтер» над территорией Польши. Окулицкий был доставлен из Италии, где до того командовал 7-й пехотной дивизией войск генерала Андерса. В Польшу Окулицкий прибыл в качестве заместителя главнокомандующего «Армии Крайовой» генерала «Бур»-Комаровского.

ПРОКУРОР: Когда и кем вы были назначены на эту должность?

ОКУЛИЦКИЙ: Я был назначен генералом Сосновским в марте 1944 года в Лондоне.

ПРОКУРОР: Вы приезжали в Лондон по вызову?

ОКУЛИЦКИЙ: В Лондон я был вызван генералом Сосновским.

Подсудимый показывает, что 1 октября 1944 года, после того, как «Бур»-Комаровский принял решение о сдаче в плен немцам, он назначил своим преемником — командующим «Армией Крайовой» Окулицкого.

ПРОКУРОР: Какие указания вам были даны перед вашей поездкой в Польшу?

ОКУЛИЦКИЙ: Перед моей поездкой в Польшу генерал Сосновский сказал мне, что наступательные действия Красной Армии могут привести к разгрому немецкой армии и захвату Красной Армией всей территории Польши. Это будет угрожать независимости Польши и что против этого необходимо принять соответствующие меры.

Тогда же Сосновский дал указание Окулицкому создать подпольную, глубоко законспирированную военную организацию. По прибытии в Польшу Окулицкий доложил о полученной им директиве польского эмигрантского «правительства» в Лондоне «Бур»-Комаровскому. Последний сказал, что подобное указание он также имеет, и что новая подпольная организация под названием «НЕ» уже формируется.

За несколько дней перед варшавским восстанием Окулицкий был назначен руководителем подпольной организации «НЕ».

Подсудимый подтверждает, что руководимая им организация и в дальнейшем действовала по директиве польского эмигрантского «правительства».

Прокурор, напоминая подсудимому о том, что и в период, когда Окулицкий являлся командующим «Армией Крайовой», подчиненные ему люди производили убийства советских военнослужащих, спрашивает: кто отвечает за эти убийства?

ОКУЛИЦКИЙ: Я отвечаю.

Окулицкий показывает, что в его приказах говорилось о необходимости проводить самооборону. Когда председательствующий предлагает Окулицкому расшифровать, что значит на его языке «самооборона», Окулицкий уточняет, что это означает «уничтожать противников «Армии Крайовой».

Прокурор напоминает подсудимому, что на следствии он показывал так: что «самооборона» должна заключаться в организации разведывательной работы и вооруженном сопротивлении органам советской власти, временному правительству и советским вооруженным властям в случае провала звеньев организации «НЕ».

Окулицкий все это подтверждает.

Прокурор спрашивает подсудимого, занималось ли командование «АК» разведывательной деятельностью?

ОКУЛИЦКИЙ: Занималось.

Прокурор т. Руденко, приводя выдержку из показаний подсудимого на предварительном следствии, спрашивает: — На кого вы ориентировались?

ОКУЛИЦКИЙ: На блок государств против СССР.

ПРОКУРОР: Из кого должен был, по-вашему, состоять этот блок? — Польша, а еще какие государства?

ОКУЛИЦКИЙ: Англия...

ПРОКУРОР: Еще?

ОКУЛИЦКИЙ: Еще — немцы.

ПРОКУРОР: Значит, блок с врагами всех свободлюбивых народов — немцами, известными всему миру своей жестокостью, варварством, истреблением мирных жителей?

Под общий смех в зале Окулицкий заявляет:

— Не с немцами, а с Европой.

ПРОКУРОР: Когда вы сохраняете в подполье вооружение, организуете террористические и диверсионные акты против Красной

Армии и в тот момент, когда она ведет борьбу с немцами, — это мешает борьбе с немцами или помогает?

ОКУЛИЦКИЙ: Мешает.

ПРОКУРОР: Кому эта деятельность помогала?

ОКУЛИЦКИЙ: Конечно, немцам.

Начинается допрос подсудимого ЗВЕЖИНСКОГО — председателя партии «Стронництво народове» и вице-президента «Рады единости народовой», а затем допрос под-

судимого УРБАНСКОГО, который являлся членом президиума и секретарем подпольной «Партии Праци». Они подтверждают показания, данные ими на предварительном следствии.

На вечернем заседании были допрошены обвиняемые Черновский, Багинский, Мерзва, Хацинский, Кобылянский, Стельер-Домбский, Михаловский, Стыпулковский и Пужак.

Утреннее заседание 20 июня

Утреннее заседание началось с сообщения председательствующего о том, что накануне Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР по ходатайству обвиняемого Окулицкого решила вызвать трех названных им лиц в качестве свидетелей по делу, о чем были даны соответствующие указания. Сейчас получена справка: по метеорологическим условиям просимые свидетели самолетом доставлены быть не могут ни сегодня, ни завтра.

Прокурор высказывает мнение, что, поскольку неизвестно, могут ли быть доставлены свидетели по просьбе подсудимого Окулицкого в ближайшие дни, обвинение не видит необходимости задерживать рассмотрение дела, тем более, что вчера, ввиду ясности обстоятельств дела, государственное обвинение отказалось от допроса 11 свидетелей, которые были намерены по списку обвинительного заключения. Прокурор вносит предложение об окончании судебного следствия. Суд считает возможным удовлетворить это ходатайство прокурора.

Суд далее удовлетворяет ходатайство прокурора о выделении в

особое производство дела в отношении Пайдака, отсутствовавшего на судебном заседании ввиду своей болезни.

Прокурор просит суд засвидетельствовать о том, что помимо общих сведений об убийствах и ранениях военнослужащих Красной Армии, совершенных участниками «Армии Крайовой», в следственном деле имеются многочисленные документы, подтверждающие каждый отдельный случай убийства или ранения советских военнослужащих. Эти документы представляют собой акты советских военных и гражданских властей, акты военно-медицинской экспертизы, судебно-медицинского исследования и т. д. Суд удостоверяет наличие упомянутых прокурором документов в следственном деле, в томе № 25.

Председательствующий далее сообщает определение суда: следственные материалы в отношении подсудимого Пайдака, ввиду его болезни и неявки в суд, выделить из настоящего производства.

После перерыва начались прения сторон.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ Н. А. АФАНАСЬЕВА

В обвинительной речи Главный Военный Прокурор Красной Армии генерал-майор юстиции Н. А. Афанасьев на основе материалов предварительного и судебного следствия, многочисленных документов и других вещественных доказательств, дает исчерпывающую характеристику общественно-политической значимости настоящего судебного процесса, вскрывает сущность подрывной деятельности польского подполья и анализирует преступную деятельность обвиняемых по данному процессу. Остановившись на преступлениях, совершенных подсудимыми Окулицким, Янковским, Бень и Ясковичем, прокурор приходит к выводу, что эти подсудимые полностью изобличены в совершении этих преступлений. Они полностью изобличаются неопровержимыми объективными доказательствами, как то: приобщенными к делу подлинными документами, вещественными доказательствами, показаниями свидетелей и собственными признаниями.

В заключение своей речи государственный обвинитель заявляет: «Мне остается только изложить соображения о мере наказания».

Все четверо подсудимых во главе с Окулицким виновны в совершении тяжчайших преступлений. Эти преступления стоили многих и многих жертв лучших советских людей.

И тем не менее, т. судьи, я считаю возможным не настаивать на применении к ним высшей меры наказания. И не только потому, что они раскаялись в совершенных преступлениях (хотя по нашему закону это является смягчающим вину обстоятельством и при определении меры наказания суд это обязан учитывать). И не только потому, что они действовали по директивам

польского эмигрантского «правительства» и, если можно так выразиться, во тьме польского подполья «светили» не своим «светом», а отраженным «светом» эмигрантского «правительства» из Лондона.

Я считаю возможным ограничиться применением к ним лишения свободы, а не расстрела, главным образом потому, что мы сейчас переживаем радостные дни великих побед, одержанных нашим народом и его героической Красной Армией.

В условиях, когда наша доблестная Красная Армия и наш народ, наша великая родина одержали в союзе с народами других демократических свободлюбивых стран величайшую в мире победу над гитлеровскими ордами, когда победоносно закончена нами эта справедливейшая из справедливейших войн, и враг повержен в прах, люди, подобные этим преступникам, не представляют уже той опасности, которая требовала бы применения к ним такой меры наказания, как расстрел.

Наша страна вступила в период мирного развития и, под руководством большевистской партии и советского правительства, во главе с нашим великим вождем и гениальным полководцем советских армий и всего советского народа товарищем Сталиным, приступила к решению стоящих перед ней величайших задач.

Ваш приговор ждет весь наш народ, весь мир. Ваш приговор прозвучит, как голос подлинной справедливости. Он прозвучит вместе с тем грозным предостережением всем врагам Советского Союза и всего прогрессивного человечества, всем тем, кто попытается своей преступной рукой поколебать дружбу советского и польского народов».

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 2-го КЛАССА Р. А. РУДЕНКО

Государственный обвинитель — государственный советник юстиции 2-го класса Р. А. Руденко излагает обстоятельства дела и конкретную вину подсудимых: Пужака, Звезинского, Багинско-

го, Мерзва, Стыпулковского, Черновского, Хацинского, Урбанского, Михаловского, Кобылянского и Стельер-Домбского. Государст-

(Продолжение см. на 3 стр.)